

Долбина Ирина Александровна

**РЕАЛИЗАЦИЯ МОТИВА РЕБЕНКА В СЮЖЕТНОЙ ЛИНИИ ДМИТРИЯ КАРАМАЗОВА
(КОМПЛЕКСНЫЙ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Статья посвящена лингвостилистическому анализу реализации мотива ребенка в сюжетной линии Дмитрия Карамазова на материале романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы". В результате анализа выявлены четыре уровня его реализации в повествовательной структуре романа. На каждом из уровней мотив получает разную смысловую нагрузку. Данные смысловые пласты мотива объединены ключевой идеей романа - идеей духовного братства. Такая содержательная организация мотива позволила предположить, что он является индивидуально-авторским воплощением евангельского мотива ребенка в романе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 21-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Мицкевич А.** Избранные произведения. М.: Детгиз, 1956. 519 с.
7. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. 799 с.; Т. 3. 539 с.
8. **Сопленков С. В.** Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 216 с.
9. **Фет А. А.** Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1959. 898 с.
10. **Mickiewicz A.** Sonety Krymskie. Farys. Warszawa: Nakład Gebetnera i Wolffa, 1910. 26 S.

**“THE CRIMEAN SONNETS” BY A. MICKIEWICZ
AS REPRESENTATION OF INTERCULTURAL DIALOGUE**

Voloshina Gelena Kazimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Zhukova Marina Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
g.voloshina@spbu.ru; m.zhukova@spbu.ru

The article examines the problems of literary relations and intercultural cooperation between Russia and Poland in the first half of the XIX century. The paper analyzes the role of poetical translation in intercultural cooperation by the material of the poetical cycle by Adam Mickiewicz “The Crimean Sonnets” – poetical diary of a romantic hero who tries to understand the strange Eastern world. Author’s method to transfer artistically the peculiarities of foreign culture bearer’s worldview is examined in the context of M. Bakhtin’s dialogue of cultures conception by the example of poet’s innovative use of close affinity between sonnet formal structure and its content.

Key words and phrases: dialogue of cultures; romanticism; orientalism; poetical cycle; sonnet; poetical translation; poetical form; rhythmic and melodic structure of poem.

УДК 81'42

Статья посвящена лингвостилистическому анализу реализации мотива ребенка в сюжетной линии Дмитрия Карамазова на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». В результате анализа выявлены четыре уровня его реализации в повествовательной структуре романа. На каждом из уровней мотив получает разную смысловую нагрузку. Данные смысловые пласты мотива объединены ключевой идеей романа – идеей духовного братства. Такая содержательная организация мотива позволила предположить, что он является индивидуально-авторским воплощением евангельского мотива ребенка в романе.

Ключевые слова и фразы: «Братья Карамазовы»; мотив ребенка; лингвостилистический анализ; номинативная динамика; текстовые парадигмы; повествовательная структура; уровни повествования.

Долбина Ирина Александровна, к. филол. н.

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва
iad1973@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ МОТИВА РЕБЕНКА В СЮЖЕТНОЙ ЛИНИИ ДМИТРИЯ КАРАМАЗОВА
(КОМПЛЕКСНЫЙ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» мотив ребенка является одним из ключевых в изображении Дмитрия Карамазова. Звуча в разных контекстах, он получает разное осмысление. Как показал анализ языкового материала, данный мотив реализуется на следующих уровнях повествовательной структуры романа:

- 1) **уровень дискурса повествователя** (рассказчик, изображая Митю в минуты отчаяния, прибегает к образу ребенка, чтобы показать, как страдания души могут ослабить столь физически сильного человека);
- 2) **уровень номинации повествователем Дмитрия;**
- 3) **уровень оценки Мити другими героями** (например, оценка Дмитрия кучером Андреем [1, с. 372]);
- 4) **уровень интерпретации Митей приснившегося ему образа «дитё»** (гл. «Показание свидетелей. Дитё», «Гимн и секрет»).

Уровень дискурса повествователя

Повествователь, изображая Митю в переломных моментах судьбы, в сюжетных «точках» краха его надежд и планов, утраты всего, что было для него ценным, обращается к образу ребенка, чтобы показать, как страдания души могут ослабить столь физически сильного человека. Образ ребенка встречается в трех контекстах:

- во-первых, в описании Мити после того, как разрушился план достать деньги у «Лягавого»: «Будь другой случай, и Митя, может быть, убил бы этого дурака со злости, но теперь он весь сам *ослабел как ребенок*. Тихо подошел он к лавке, взял свое пальто, молча надел его и вышел из избы. <...> Он шагал по узенькой лесной дорожке бессмысленно, потерянно, с “потерянною идеей” и совсем не заботясь о том, куда идет. *Его мог побороть встречный ребенок, до того он вдруг обессилел душой и телом...*» [Там же, с. 342];

- во-вторых, в описании Мити, когда им была утрачена последняя надежда достать «роковые» три тысячи у Хохлаковой: «...теперь, после того как исчезла последняя надежда его, этот, столь сильный физически человек <...> вдруг залился слезами, *как малый ребенок*. Он шел и в забытьи утирал кулаком слезы» [Там же, с. 351];

- в-третьих, в описании Мити в момент, когда он узнает от Фени об отъезде Грушеньки в Мокрое к прежнему офицеру: «Он стоял пред нею бледный как мертвец и безгласный, но по глазам его было видно, что он все разом понял <...> Но вдруг он тихо и кротко, *как тихий и ласковый ребенок*, заговорил с Феней, совсем точно и забыв, что сейчас ее так перепугал, обидел и измучил» [Там же, с. 357].

В контексте романа мотиву ребенка, реализованному в данных фрагментах, противопоставит **мотив борца**, вступающего в отчаянную схватку со своей «судьбой», точнее, с обстоятельствами жизни, воспринимаемыми им как цепь нежелательных событий, которые, по его страстному убеждению, можно изменить в нужную ему сторону («метался во все стороны, *“борясь со своей судьбой и спасая себя”*», как он сам потом выразился» [Там же, с. 329]; «мог представлять себе временами, что кончит воспалением в мозгу. *Но пока боролся...*» [Там же, с. 331]). Все его последующие действия – это борьба за свою мечту (вырваться из «гнусного омота») и начать новую «добродетельную» жизнь с Грушенькой с чистого листа, сменив место жительства и привычное окружение [Там же, с. 330]), за ее осуществление в той форме, которая ему видится единственно возможной (достать деньги, отдать долг «Кате» и на оставшиеся деньги уехать с Грушенькой).

В связи с этим интерес представляет комментарий повествователя, касающийся веры Дмитрия в «перемену места» [Там же]. Оценка такого убеждения как широко распространенного и дистанцированная позиция указывают на то, что повествователь не разделяет это мнение, относясь к нему скептически. Сквозь подтекст невольно звучит мысль о том, что такое мнение является ошибочным: перемена места не может изменить строй души. Для качественного сдвига в духовной жизни Мити требуются другие механизмы воздействия. Такая оценка, предвзято последующие события, задает ракурс их осмысления. В этом ключе обвинение Мити в отцеубийстве начинает восприниматься не как случайный факт, но как нечто целесообразное, заключающее в себе внутреннюю логику.

В ключе указанной выше антитезы мотив *ребенка* начинает звучать в тот момент, когда Митя, сталкиваясь с тщетностью всех своих усилий изменить ситуацию, испытывает крайнюю степень отчаяния. Когда исчезает «последняя надежда» [Там же, с. 351], внутреннее ощущение своего бессилия распространяется на физический уровень.

Наконец, состояние Мити после известия о том, что Грушенька уехала в Мокрое к офицеру, изображается с помощью последовательной смены сравнений «мертвец», «как в столбняке» и «ребенок». Данная текстовая парадигма строится на принципе градации, позволяющем повествователю описать переживания героя в динамике: первоначальное потрясение сменяется принятием решения «самоустраниться».

Уровень номинации повествователем Дмитрия

Мотив ребенка в сюжетной линии Дмитрия Карамазова также поддерживается номинацией данного героя в дискурсе повествователя. После этапа «представления» читателю персонажа, характеризующегося широким диапазоном номинантов, повествователь постепенно переходит на номинант *Митя*. Знаковым является вынесение данного имени в название 8-ой книги романа: именно в этой книге происходит окончательный переход на именование героя *Митей*.

По мнению Б. А. Успенского, данная номинативная динамика объясняется, во-первых, сменой точек зрения (точки зрения «объективного наблюдателя» абстрактной точкой зрения «какого-то близкого Дмитрию Федоровичу человека»), во-вторых, «обрядом знакомства» с героем и переходом на короткие имена в обычной бытовой практике [4, с. 42].

Ввиду того, что принцип перехода на «короткие» имена распространяется не на всех братьев Карамазовых (так, «знакомство» с Иваном Федоровичем «останавливается» на имени *Иван* без перехода на более короткое имя *Ваня*), можно предположить, что, помимо факторов, указанных Б. А. Успенским, на переход в номинации (с имени *Дмитрий Федорович* или *Дмитрий* на имя *Митя*) повлияли также следующие причины:

1) смена ракурсов: взгляд «снаружи» сменяется взглядом «изнутри» (не случайно имя Митя возникает именно в главах «Исповедь горячего сердца», где герой раскрывается «изнутри» в исповеди брату Алеше);

2) сближение точек зрения повествователя и брата Алеши, которому тот «исповедует»;

3) динамика отношения повествователя к данному герою – от позиции стороннего наблюдателя к христианской позиции, выражающейся в «братском» его восприятии. Братская (в христианском смысле этого слова) точка зрения на героя начинает актуализироваться благодаря текстовому сопряжению мотива ребенка в описании данного героя и идеи старца Зосимы о том, что «за людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах» [1, с. 197], которая цитируется Алешей в разговоре с Лизой Хохлаковой. Как бы повествователь, постепенно проникаясь участием старца в судьбе Дмитрия, начинает так же относиться к этому герою.

Уровень оценки Мити другими героями

Мотив ребенка, через который осмысливается образ Дмитрия, звучит в речи кучера Андрея. На вопрос Дмитрия, попадет ли он, Дмитрий Федорович Карамазов, в ад, Андрей рассказывает ему легенду о Христе, который, освободив ад от прежних грешников, предназначает его для «вельмож, управителей, главных судей и богачей». И в заключение дает следующую характеристику Дмитрию Федоровичу: «Так вот, сударь, для кого ад назначен, <...> а вы у нас, сударь, все одно *как малый ребенок*... так мы вас почитаем... И хоть гневливы вы, сударь, это есть, но за простодушие ваше простит господь» [Там же, с. 372].

В контексте народной легенды о Христе и аде, отражающей мировоззрение простого народа, мотив ребенка получает новое осмысление: отношение к барину Дмитрию Федоровичу как к ребенку определяется его простодушием, ради которого прощается гневливость. Да, в гневе Дмитрий страшен – может и убить. Но планировать заранее убийство никогда не будет.

Верность суждения о Дмитрии человека из народа в романе противопоставлена «слепоте» следователей, считающих его «подлецом», который, чтобы спасти себя, способен «изворачиваться» и лгать.

Уровень интерпретации Митей приснившегося ему образа «дитё»

Мотив ребенка в сюжетной линии Дмитрия встречается в хронотопе сна, приснившегося ему в ночь предварительного следствия. Приведем ключевой фрагмент из его описания: «И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще небывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше *дитё*, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и не смотря ни на что, со всем безудержем карамазовским» [Там же, с. 456-457].

Ключевым образом этого сна является образ страдающего «дитё». В восприятии Мити этот образ получает символическое значение, наполняясь глубокими, жизненно важными для него смыслами. Эти смыслы «раскручиваются» им постепенно, в связи с разворачивающимися событиями.

Так, после пробуждения образ *дитя* воспринимается Митей как воплощение человеческих страданий, к которым причастен и он. Образ плачущего дитя, пронзив его сердце жалостью, заставил взглянуть на себя со стороны тех, кому он причинял страдания, и породил в нем желание сделать все возможное, чтобы не было страдания «от сей минуты ни у кого». Данное смысловое наполнение образа *дитя* представляет собой его первую интерпретацию.

Следует сказать, что через сон, интуитивное постижение мира Митя приходит к пониманию высшего скрытого смысла произошедшего. Образ страдающего дитя стал «ключом» к новой интерпретации событий в Мокром. Теперь обвинение в отцеубийстве и отсутствие показаний в его пользу начинает восприниматься им как цепь неслучайных событий, но событий, имеющих свою высшую логику, которая ускользала от его бодрствующего сознания. За всеми событиями ночи и их участниками ему вдруг начинает открываться воля Высшего, «десница божия», желающая ему только добра, – желающая помочь ему исправиться, изменить свою жизнь, духовно возродиться, очиститься, потому что он сам «никогда не поднялся» бы. До его сознания доходит, что через эти события с ним говорит Высшее, Бог: «Каждый день моей жизни я, бия себя в грудь, обещал исправиться и каждый день творил все те же пакости. Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар судьбы, чтоб захватить его как в аркан и скрутить внешнею силой. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадавать хочу и страданием очишусь!» [Там же, с. 458].

Понимание причинно-следственных связей меняет его отношение к происходящему: на смену гневу и отчаянию приходит принятие и мудрое смирение.

Второй «слой» смысла этого образа Дмитрию открывается позже, во время заключения. Так, в исповеди Алеше перед судом он признается: «Можно возродить и воскресить в этом каторжном человеке замершее сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет уже душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя! А их ведь много, их сотни, и все мы за них виноваты! Зачем мне тогда приснилось “дитё” в такую минуту? “Отчего бедно дитё?” Это пророчество мне было в ту минуту! За “дитё” и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех “дитё”, потому что есть малые дети и большие дети. Все – “дитё”» [2, с. 31].

За два месяца заключения главное, что совершилось во внутренней жизни Дмитрия, – это воскрешение нового человека, который был заключен в нем и «никогда бы не явился, если бы не этот гром» [Там же, с. 30].

Приснившийся образ *дитё*, интерпретируемый им как пророчество в страшную минуту его жизни, становится для Дмитрия универсальным образом, через призму которого преломляется восприятие будущей каторги. В ключе этого образа каторга начинает восприниматься им как место служения каторжным людям, а каторжные – как «большие дети» с «замершим сердцем».

Раскрывшееся ему через данный образ ощущение единства мира выкристаллизовалось в идею виновности «за всех и за вся». Эта мысль рождает в нем мечту о духовном возрождении каторжного человека, за которым нужно ходить, как за «малым дитем».

Осознание этой идеи определяет процесс воскрешения в Дмитрии «нового человека». Самостоятельное «рождение» данной мысли Дмитрием предваряется размышлениями старца Зосимы о значимости этой идеи в духовном пути инока и каждого человека [1, с. 149]. По глубокому убеждению старца, осознание идеи виновности «за всех и за вся» является основой духовного единения людей.

Звучание в унисон мысли «виновности за всех и за вся» в сюжетных линиях старца Зосимы и трех братьев Карамазовых создает мощный идеологический резонанс.

Таким образом, сюжетная судьба Дмитрия с ее взлетами и падениями в контексте главной идеи романа о будущем духовном единении людей, звучащей в проповеди старца Зосимы, является одним из вариантов художественного решения проблемы «восстановления погибшего человека» [3, с. 28]. Именно Дмитрию, запутавшемуся в следствиях своих поступков, суждено пройти путь страданий, путь «зерна» вслед «ночному гостю». Через страдания он «умалывается», становясь взрослым ребенком, и его душа открывается страданиям людей, которым он причинил боль. Так в его жизни происходит самостоятельное «переоткрытие» мысли

старца Зосимы о том, что «все за всех виноваты». Эта мысль в сюжетной линии Дмитрия преломляется через мотив ребенка, который, воплощаясь на разных текстовых уровнях, насыщается богатыми смысловыми оттенками. Можно утверждать, что данный мотив представляет собой индивидуально-авторскую интерпретацию евангельского мотива ребенка.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. 624 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. 433 с.
4. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.

**IMPLEMENTATION OF THE MOTIVE OF A CHILD IN DMITRII KARAMAZOV'S STORYLINE
(COMPLEX LINGUISTIC-STYLISTIC ANALYSIS)**

Dolbina Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Kuzbass State Technical University
iad1973@mail.ru

The article is devoted to the linguistic-stylistic analysis of the implementation of the motive of a child in Dmitrii Karamazov's storyline by the material of the novel by F. M. Dostoyevsky "The Brothers Karamazov". The analysis identifies four levels of its implementation in the narrative structure of the novel. At each of the levels the motive gets a different meaning. These semantic layers of the motive are combined by the key idea of the novel – the idea of spiritual brotherhood. Such meaningful organization of the motive enabled the author to suggest that it is an individual author's embodiment of the Gospel motive of a child in the novel.

Key words and phrases: "The Brothers Karamazov"; motive of child; linguistic-stylistic analysis; nominative dynamics; textual paradigms; narrative structure; narrative levels.

УДК 82-192

Советская рок-культура 70-80-х годов XX века выработала специфический тип синтетической языковой личности. Структура данной когнитивно-прагматической единицы весьма сложна: она состоит из ряда дискурсивных систем, каждая из которых при попадании в «координаты» рок-культуры подвергается трансформации. Авторами установлено, что неомифологический дискурс является центром дискурсивной системы синтетической языковой личности, все остальные элементы могут быть рассмотрены как образующие ближнюю и дальнюю периферию.

Ключевые слова и фразы: синтетическая языковая личность; мифологизм; неомифологизм; синкретизм; синтетический текст; интермедальность; дорефлективный традиционализм; дискурсивные системы; рок-культура.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Гуандунский университет международных исследований, Китайская народная республика
Ивановский государственный университет
Ivanb10@yandex.ru

Гавриков Виталий Александрович, д. филол. н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Брянске
yarosvett@mail.ru

**НЕОМИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

В современной научной литературе, в том числе и связанной с русской рок-культурой, для описания, интерпретации и исторической «ориентации» тех или иных явлений часто используются термины «миф», «мифологизм». Однако, строго говоря, в современном тексте реконструкция мифа в его первоизданном виде невозможна: для этого нужно воссоздать и аутентичное порождающее сознание, которое бы работало «в координатах» дорефлективного традиционализма. Поэтому для современной ситуации логичнее использовать термины «неомиф» и «неомифологизм» либо же говорить об отдельных – на уровне элементов – аспектах мифологического мышления.

Правда, иногда в художественных текстах и метавысказываниях поэты используют отсылки к различным архетипическим кодам, которые на первый взгляд прочитываются в классическом мифологическом ключе. То есть перед нами ситуации, связанные с реализацией «доаристотелевской» логики. Причем интенционально она используется не в качестве подражания или игры, но свидетельствует о глубинной связи мышления